Экклезиология раскола: исторические замечания

Юрисдикционные претензии Константинопольской кафедры имеют длительную историю. Будучи политически обусловленными, они в то же время имеют сильную идеологическую основу. Имперская идеология Византии до сих пор рассматривалась исследователями лишь в рамках общественно-политических процессов, однако публикации и заявления константинопольских иерархов последних дней представляют ее весьма странное преломление в виде нового учения о церковной иерархии. Опасность возникновения нового, искаженного учения о Церкви очевидна: уже сейчас она способствует разделению между Церквями, а основные положения нового устройства Вселенской Церкви получают богословские обоснования. Последнее уже прямо ведет к появлению вероучительных искажений православной экклезиологии. Что предшествовало возникновению проблемы?

Источник «горькой воды»

Сакральный характер императорской власти – необходимый компонент представлений греков времени Византийской Империи. Имп. Грациан в 375-м г. сложил с себя титул Pontifex maximus – верховного жреца, однако традиция связывать царскую власть и священную не исчезла. Императоры участвовали во всех сферах церковной жизни: избирали и смещали Патриархов, писали вероучительные тексты, перемещали епископов, кадили за богослужением и подобное. Так, Имп. Исаак II Ангел (1185–1195, 1203–1204) последовательно сместил и назначил подряд пятерых Патриархов. У Феодора Вальсамона мы встречаем следующее замечание:

«Православные Императоры невозбранно, когда захотят, входят во Св. алтарь, и кадят, и делают знамение креста с трикирием, как и архиереи. Они предлагают народу катехизическое поучение, что предоставлено одним местным архиереям… А как царствующий Император есть Помазанник Господень по причине помазания на царство, а Христос и Бог наш есть между прочим и архиерей, то благостно и Император украшается архиерейскими дарованиями»[1].

Не вступая в борьбу с культом Императора, греческая мысль приспособилась, проведя связь между областью священного в Церкви и государстве. Историко-политическая целесообразность решений о возвышении столичной кафедры и изменении статуса столичного епископа превратилась в «инициацию» Константинопольского епископа Императором, в ходе которой епископ принимал «священную» власть управления Церковью. Власть Императора, ее

универсальный и священный характер переносился и на Константинопольский престол. Уже в свидетельстве (апокрисиария Римского Папы) Анастасия Библиотекаря IX в. мы находим подтверждение того, что наименование Константинопольского Патриарха Вселенским уже понималось греками как знак его всевизантийской власти.

«Когда я, находясь в Константинополе, часто осуждал греков за слово «Вселенский» и упрекал их в тщеславии и гордости, они возражали, что не потому называют Патриарха Вселенским – икуменикос (что многие перевели словом «универсалис»), что он является епископом над всем миром, но потому, что он имеет начальственную власть над одной частью мира, в которой живут христиане. То, что греки называют вселенной – икумени, у латиниан означает не только «мир» (orbis terrarum), от которого в смысле «вселенной» и происходит название «вселенский», но также и «всякое жилище или обитаемое место»[2].

А.В. Карташев, поясняя слова Анастасия, переводит «икуменикос» как «восточно-имперский, всегреческий, всевизантийский»[3]. Это значение титул Константинопольских Патриархов вскоре приобретает в непосредственном смысле. В течение VII и VIII веков Византийская Империя пережила ряд потрясений, в результате которых значительные ее территории оказались захвачены сначала арабами и персами, затем и турками. В результате кафедры трех Патриархатов (Александрийского, Антиохийского, Иерусалимского) оказались за границами христианского государства. Естественным образом Константинополь стал восприниматься не только как столица государства, но и как столица Церкви, главные епископы которой (Патриархи) de facto проживали в нем. Со временем этот исторический факт нашел отражение как в произведениях мыслителей той эпохи, так и в нормативных текстах.

В Эпанагоге – сборнике законов IX века – мы находим весьма радикальные представления о Патриархе Константинополя. Титул III начинается с определения:

> «Патриарх есть живой и одушевленный образ (икона) Христа, словом и делом свидетельствующий истину»[4].

В 5-й и 6-й главах III Титула Патриарху приписываются особые полномочия в области толкования и правоприменения норм православной каноники, соответственно:

> «Патриарх один только должен толковать правила древних (Патриархов) и определения святых отцов и положения святых Синодов».
>
> «Содеянное и устроенное древними отцами в Соборах и епархиях, особенно и соборне,

Патриарх должен лечить, пользовать и очищать»[5].

Выражения Эпанагоги явно свидетельствуют о переносе священного характера власти василевса на власть первого восточного престола. Кроме того, обладание истиной также «становится» атрибутом Константинопольского Предстоятеля, что позволяет провести параллели с подобными тенденциями в Римской Церкви.

К XII и XIII вв. новое положение Константинополя как церковной столицы было осмыслено Антиохийским Патриархом Феодором Вальсамоном и Болгарским архиепископом Димитрием Хоматином. Витиеватые выражения Вальсамона, предоставлявшие Императорам чрезвычайные возможности в Церкви, многие исследователи традиционно воспринимают как восточную лесть, но эта «лесть» не лишена и действительного смысла. А. Лебедев приводит известные слова Димитрия Хоматина:

> «Император, который есть и называется всеобщим верховным правителем Церквей, стоит выше определений Соборов; этим определениям он составляет надлежащую силу. Он есть мерило в отношении церковной иерархии, законодатель для жизни и поведения священников… Одним словом, за единственным исключением совершать богослужение, Императору предоставлены все остальные епископские привилегии… Как древние римские Императоры подписывались: Pontifex Maximus, таковым же должно считать и теперешних Императоров, как Помазанников Господних, ради царского помазания…»[6].

Со временем эти почетные наименования стали прилагаться и к патриаршей власти Константинополя.

В 1397-м г. Константинопольский Патриарх Антоний IV отправит Московскому кн. Василию II Дмитриевичу грамоту с требованием восстановить поминовение византийского Императора за богослужением. В этой грамоте и в отношении Патриарха используются такая же риторика. Патр. Константинопольский Антоний IV в обращении к Василию Дмитриевичу пишет буквально следующее:

> «Мы – блюстители божественных законов и канонов, и обязаны так действовать по отношению ко всем христианам, в особенности же по отношению к великим людям – князьям народов и местным властителям, каково твое благородие… Поскольку **я – всеобщий учитель для всех христиан**, то на мне лежит непременный долг: когда услышу о твоем благородии что-либо такое, что вредит твоей душе, писать тебе об этом, как

твой отец и учитель, наставляя и убеждая тебя к исправлению: а ты, как христианин и сын Церкви, обязан исправиться… **Ужели ты не знаешь, что Патриарх занимает место Христа, от Котораго и посаждается на владычнем престоле? Не человека ты уничижаешь, но Самого Христа! И, наоборот, кто чтит Патриарха, чтит Самого Христа**»[7].

Если эти слова понимать буквально, мы сможем прямо назвать Патр. Антония «викарием Христа». При этом, принимая полномочия от Pontifex Maximus, Патриарх видит здесь священное поставление от Самого Христа. Выразитель универсальной власти Империи, он теперь становится «всеобщим учителем для всех христиан». В исторической науке русской традиции было принято эти слова считать частью восточного этикета, однако последующее развитие событий в XX веке позволяет усматривать за этими выражениями непосредственный смысл.

Жизнь после смерти… Империи

С падением Константинополя меняется многое. Исчезает Император, и в греческом мире единственным, кто может нести на себе бремя «священной власти», остается Константинопольский иерарх. При строгом следовании букве канонов, этого не должно было произойти, поскольку, перестав быть городом Царя и синклита, Константинополь прекратил свое существование и как церковный центр, а его Патриарх теперь просто стамбульский епископ.

Тем не менее при турецком владычестве Константинопольский Патриарх получает титул «миллет-баши Рума» и становится главой всех христиан, живущих на территории Османской империи. «Миллет-баши» – титул, включавший в себя и светские функции, буквально «глава народа». С этого времени турецкая Порта все вопросы, связанные с Восточным Православием, решает через Константинопольского Патриарха и ставит в зависимость от него все стороны общественной жизни грекоязычного населения[8]; на него естественным путем переходят все представления о священном характере власти, которые прежде имел Император. Это открывает Патриарху дорогу для новых претензий на универсальную власть, которые оформляются не сразу.

К 1832 г., после длительной борьбы за независимость в ходе очередной русско-турецкой войны, с положительным участием Англии и Франции, образовалось греческое королевство. Это было весьма значимое событие, поскольку у Греческой Церкви появляется «город Царя и синклита», появляется свое государство, соответственно правилам (IV Всел. Соб. 17, 28, Трулл. Соб. 38), церковный центр должен был переместиться в Афины. Этого не происходит, и в 1833-м г. Греция объявляет о своей церковной независимости. Самовольная автокефалия была подтверждена Константинопольской кафедрой, находящейся в центре исламского мира – Стамбуле, в 1850 г.

Этот момент можно признать окончательным фактором в становлении современного Константинополя и оформлении новых устремлений в его экклезиологии. По логике церковных канонов, Церковь Христова – явление универсальное само по себе, она открыта для всех верующих в Христа, но эта универсальность необходимо не связана с государственными границами. Изменения этих границ приводят к изменению структуры организации, мы видим, как это происходило в длительной истории Константинопольской Церкви. Церковь всегда остается в центре политической жизни общества православных христиан, независимо от того места, в котором находится, или в которое перемещается этот центр.

Греки, на протяжении многих лет имевшие центром Стамбул, конкретный город, абсолютизировали его как мифический Константинополь. Перенесение столицы из Рима в Константинополь ими было воспринято как вполне законное, тогда как перенесение Патриархата в Афины из Стамбула не представлялось возможным. Возможность нормализовать церковную жизнь путем переноса центра жизни Церкви из Стамбула в Афины не была исполнена, и это, в свою очередь, привело к изменениям в деятельности Константинопольской Церкви.

С этого времени 28 пр. Халкидона воспринимается Константинополем не как соборное правило, а как исторический факт, предоставляющий ему как центру Православия чрезвычайные полномочия. С этого времени Константинополь борется за диаспору, вообще все приходы, которые находятся за его официальными границами, поскольку своих общин оказывается недостаточно. Отныне область действия Константинополя – политическая, отныне он не историческая Церковь-мать, а церковь-захватчица. Иначе осмысляется и роль Константинопольской Церкви, не имеющей возможность вести нормальную церковную жизнь на своей канонической территории.

В эпоху войн и революций

С окончанием XIX в. начался новый этап реализации церковно-политических интересов Константинополя. Связан он был, прежде всего, со сменой политических режимов внутри ряда государств, в т.ч. России и Турции. После поражения Турции в Первой мировой войне греческие борцы за независимость подняли головы. Начался националистический подъем в среде греков. Появился ряд публикаций[9] на тему образования единого центра православного мира, который возглавляться будет греками, при этом от прочих, особенно «новообразованных национальных» Церквей (в т.ч. Русской) было необходимо активное участие и обильное финансирование. Отец Александр Мазырин по этому поводу пишет:

> «Никакого обоснования в православной экклезиологии и канонике эти планы по превращению Фанара в некий восточный Ватикан не имели. Встретить сочувствие у Российской Церкви они не могли, и только лишь резкое ослабление ее позиций давало грекам шанс на реализацию их прожектов»[10].

В канонике эти планы действительно не имели основания, но вот экклезиология в Стамбульском центре Греческого Православия появилась уже своя, и в ее свете подобные перспективы казались весьма основательными. Греки больше не говорят об «Императоре» и о «Священной Империи», однако через века они пронесли веру в Новый Рим (см. титул Константинопольского Патриарха) и сакральный характер власти Константинопольского Первоиерарха. Представления о священной и универсальной власти центральной кафедры – языческие атавизмы, которые обильно подпитывались националистическими устремлениями. Эти атавизмы позволили считать политическую деятельность кафедры если не прямо священной, как раньше, то по крайней мере церковной по своей сути. Ради исполнения «своего предназначения» Константинополь оказался способен переступить через все каноны и традиции взаимоотношений между Православными Церквами.

В ноябре 1921 г. на Константинопольский престол был избран националист, Афинский архиеп. Мелетий (Метаксакис). Он разорвал отношения и с греческим, и с турецким правительством и после поражения греков в 1922-м г. оказался в сложном положении: турки дали явно понять, что не желают его видеть в Стамбуле. Возник проект переноса Константинопольского престола в изгнание, но греки упорно не хотели с этим соглашаться. Они обратились к международному сообществу, в частности, к английскому правительству и Англиканской церкви. На Лозаннской мирной конференции 1922–1923 гг. Элефтериос Венизелос (греческий политик, непосредственно связанный с Патр. Мелетием) говорил:

> «Патриарх является в первую очередь архиепископом Константинополя – Нового Рима, который благодаря своему статусу в IV–V веках был возведен в достоинство Вселенского Патриархата решением всех христианских Церквей, включая и Римскую. Никто в мире не может развести два этих атрибута». «Патриархат не может быть перенесен в другое место, только новый [Вселенский] Собор может принять решение о сохранении его пребывания или переносе»[11].

Именно эту логику рассуждений воспроизвел на Синаксисе 1–3 сентября 2018 г. Патр. Варфоломей:

> «Вселенский Патриархат несет ответственность за установление церковного и канонического порядка, поскольку только он имеет каноническую привилегию (...) для выполнения этой высшей и исключительной обязанности (...). Если Вселенский Патриархат откажется от своей ответственности и уйдет с межправославной сцены, то Поместные Церкви будут действовать, как овцы без пастыря».
>
> «Порой мы сталкиваемся с испытаниями и искушениями именно потому, что некоторые люди ложно полагают, будто могут любить Православную Церковь, а не Вселенский Патриархат, забывая, что он воплощает подлинный этос Православия»[12].

Выступая в защиту Константинопольской Церкви, многие православные ученые и иерархи (напр., митр. Антоний Храповицкий, А.В. Карташев) утверждали, что всякие нападки на Константинопольский престол и его первенство приведут к развалу православного мира вообще. Так, митр. Антоний (Храповицкий) от имени Временного Архиерейского Синода РПЦЗ пишет, что «упразднение или уничижение сей Апостольской кафедры явилось бы глубоким оскорблением и поражением всей Православной Церкви»[13]. Конечно, это была политическая уловка, ведь апостольской Константинопольская кафедра не была никогда. Впрочем, русская риторика в защиту братьев-греков последними была принята не как политическая игра, а как идейное подтверждение своих исканий и руководство к действию.

В марте 1922 г. Константинопольским Патриархом Мелетием издается томос о его праве на

> «непосредственный надзор и управление всеми без исключения православными приходами, находящимися вне пределов Поместных Православных Церквей, в Европе, Америке и других местах»[14].

С этого времени начинается неприкрытая экспансия стамбульского епископа на всю диаспору Православной Церкви.

Это привело и к переосмыслению представлений Константинополя и о самой Церкви. И мы наблюдаем сейчас в богословском пространстве Греческой Церкви очень опасные тенденции.

Primus «в овечьей шкуре»

25 декабря 2013 г. Священный Синод Русской Православной Церкви принял новый документ:

«Позиция Московского Патриархата по проблеме первенства во Вселенской Церкви»[15]. В ответ на Позицию Русской Церкви профессор университета в Салониках митр. Бурсы Элпидифор (Ламбриниадис) выпустил статью «Primus sine paribus» – букв. «Первый без равных»[16]. Эта статья содержит попытку богословски обосновать юрисдикционные претензии Стамбула. Важно отметить то, что эта статья долгое время находилась на официальном сайте Константинопольского Патриархата. До сих пор со стороны Фанара не было высказано в адрес положений статьи ни слова критики, что прямо говорит о поддержке иерархами Константинополя подобных идей.

К чему сводится аргументация митр. Элпидифора?

Прежде всего, митрополит Бурсы ставит в упрек Русской Церкви отказ отождествить «первенство Господа» и «первенство епископов». Он пишет:

> «Документ Московского Патриархата вынужден ввести новое различие между, с одной стороны, "первичным" первенством Господа и, с другой стороны, "вторичными" первенствами ("различные формы первенства... являются вторичными") епископов, хотя позже в том же тексте будет допущено, что епископ есть образ Христа, что, казалось бы, подразумевает, что два первенства идентичны, или по крайней мере сопоставимы, если не просто тождественны»[17].

Отождествление первенства Господа и первенства земной, пусть и церковной власти до сих пор встречалось только в учении Римско-Католической церкви. Известны слова папы Иннокентия III, которые он говорит о своем титуле Vicarius Christi, предполагающем действительное единство власти со Христом в деле управления Церковью:

> «Пётр – единственный, кто был призван наслаждаться полнотой полномочий. Я получил от него митру для моего священства и корону для моего сана; он сделал меня викарием Того, на Чьём облачении написано: Царь царей и Господь господствующих, священник вовек по чину Мелхиседека»[18].

Поскольку такие представления о первенстве епископов Рима встречались и раньше, защитник православной веры свт. Марк Эфесский в своем «Окружном послании» проводит прямое сравнение, в ходе которого признает по меньшей мере курьезным отрицание равенства Патриархов между собой:

> «Для нас Папа представляется как один из Патриархов, и то – если бы он был православным, а они с большей важностью объявляют его Викарием Христа, Отцом и Учителем всех христиан»[19].

Обдумывая слова свт. Марка, невольно задаешься вопросом: если Патриарх Константинопольский – «первый без равных», то, может быть, он и не вполне православен? В этом случае непосредственный смысл приобретают и слова Патр. Антония IV, «всеобщего учителя для всех христиан»: «Патриарх занимает место Христа, от Которого и посаждается на владычнем престоле»[20]?! Образ Христа и носитель Христовой власти – это два совершенно разных подхода к пониманию церковного управления, разницу между которыми митрополит Бурсы пытается нивелировать.

Эта позиция сполна поясняет канонический нигилизм Константинополя. Поскольку каноны не предоставляют возможности первенства, они отвергаются. Для «священной власти» правил быть не может, и **источником права первенства** митрополит Бурсы **не может признать канон (IV Всел. Соб. 28 пр.), а значит, и Вселенский Собор, установивший это правило, и даже Вселенскую Церковь**. Изначально утверждая основанием своих прав решение Халкидонского Собора, в итоге сторонники Константинопольского примата приходят к отрицанию значимости канонических решений вообще.

Митр. Элпидифор пишет недвусмысленно:

> «Если Первоиерарх является получателем (своего) первенства, то первенство существует без и независимо от Первоиерарха, что невозможно».
>
> «Если мы будем говорить об источнике первенства, то **источником первенства является тот самый человек, архиепископ Константинопольский**, который именно как епископ является первым “среди равных”, но как архиепископ Константинопольский является первым иерархом без равных (primus sine paribus)».

Здесь Первоиерарх не получатель, а сам источник первенства для Церкви, в которую он вносит, таким образом, гармонию и порядок, заимствуя ее, по всей видимости, из Тайны Святой Троицы – «истинного источника всех первенств». Безумные теологические связи проводит митр. Бурсы без малейшего стеснения:

> «Для того, чтобы более ясно понять эти нововведения, давайте кратко рассмотрим, что все

это будет означать, если мы свяжем и применим их к жизни Святой Троицы, истинному источнику всех первенств».

По отношению к Троице Первоиерарх поэтому существует на правах наместника!!! Такие странные спекуляции ставят над Церковью и вне Ее лицо, посвящаемое самой Церковью.

В этой связи чрезвычайно важным фактором является многократно повторяемое, в т.ч. и митр. Элпидифором, утверждение о том, что позиция Русской Церкви представляет собой нововведение, в то время как учение о первенстве в Церкви изначально. В связи с этим Патр. Варфоломей охотно приводит слова митр. Гортинского и Аркадийского Кирилла:

«Православие не может существовать без Вселенского Патриархата»[21].

Утверждение митр. Элпидифора – ложное, поскольку история Церкви и свидетельства отцов Церкви первых трех веков полностью исключают изначальные представления о церковном первенстве власти, не говоря уже о власти Константинополя. Важно здесь другое. Утверждение изначального или вечного первенства города слишком явно коррелирует с древними представлениями о Риме как «вечном городе», чтобы не быть замеченным. В этом смысле и титул «вселенский» звучит как «имперский», «центральный», Рим в значении центра οἰκουμένη – вселенной, имеющего значение священное, но не церковное.

Итоги:

1. Определение канонами Халкидонского Собора о преимуществах Константинополя как «города Царя и синклита» имеет два уровня понимания: а) историко-политический и б) историософский. Первый представляет процесс перенесения столицы в Константинополь и возвышение его кафедры событием историческим, имеющим последствием изменение соотношения церковно-политических сил внутри государства. Второй – событием сакральным, определяющим Константинопольскую кафедру центром православного мира по причине его прямой связи с центром «Священной Империи» – мифическим Римом. Историко-политический подход является научным методом и представлен преимущественно в трудах историков Церкви, сторонники привилегий Константинопольского Первоиерарха стоят на историософских позициях.
2. Император в Римской империи являлся главой не только светской, но и духовной власти, этому соответствовали представления о священном характере царской власти. Восприятие византийских василевсов как Pontifex maximus привело к переходу к ним ряда сакральных функций Церкви, прежде всего, связанных с церковным управлением. В свою очередь, церковное администрирование в мировоззренческой парадигме «Империи» начинает восприниматься сторонниками константинопольского примата как явление священное,

изначальное и универсальное.

3. Утрата территорий Империи, относившихся к юрисдикции ведущих Патриархатов греческого Востока, привела к становлению Константинополя действительным центром православного мира. Падение самого Константинополя привело к фактическому исчезновению Империи, в результате чего главой Греческого Православия и в то же время греческого народа становится Патриарх как «миллет-баши Рума». Это приводит к восприятию в греческом мире уже Константинопольского Патриарха как носителя священной власти, что подтверждается наименованиями его как «всеобщего учителя всех христиан», принимающего престол «от Самого Христа». Последующее образование греческого государства в 1832-м г. поэтому не приводит к переносу «столицы Православия» в Афины. Стамбул становится мифическим Константинополем – «вторым Римом».
4. Отсутствие полноценной церковной организации в самой Османской Империи привело к возникновению претензий Константинопольского Патриархата на всю диаспору, о чем им в 1922-м г. был принят соответствующий томос. Константинопольская Церковь для поддержания своего существования этим документом была противопоставлена всем Православным Церквям, имеющим приходы вне государства пребывания. Интересы Константинополя преимущественно направлялись на каноническую территорию Русской Церкви – отчасти по причине политической нестабильности в государствах пребывания, способствовавшей отложению ее частей, отчасти – восприятия ее как соперницы, в связи с историческим фактом возникновения историософской идеи «Москва – третий Рим».
5. Развитие идеи церковной Империи в среде сторонников константинопольского примата привело к переосмыслению роли Константинопольского Патриарха в устроении православного мира. Это, прежде всего, отразилось на восприятии церковных установлений сквозь призму историософской идеи «нового Рима». Существенным в канонических определениях была признана не юридическая форма, связывающая церковную норму с властным велением Вселенской Церкви, а исторический факт, приобретший черты мифа о «вечном Риме». В результате это привело к маргинализации церковного правосознания. Каноны сторонниками константинопольского примата воспринимаются только в соответствии с идей первенства, собственный и исторический смысл церковных правил игнорируется, равно как и нормы Церкви, не связанные с ней непосредственно.
6. Идея Константинопольского примата привела к возникновению в среде ее сторонников нового учения об особом первенстве Константинопольского Патриарха. Это первенство не зависит от Вселенской Церкви, напротив, Первоиерарх Константинополя, как учат сторонники подобных представлений, сам является источником первенства для Церкви, принимая его, в свою очередь, от Бога. Священный, универсальный и изначальный характер такого первенства проявляет его действительную идейную основу – миф о «вечном Риме».

Идея универсального центра вселенского христианства представляет собой мировоззренческую основу нового учения о Церкви, хотя и насчитывает за собой не один век истории. Эта идея стала причиной разделения христианской Церкви в XI веке, она же служит столкновению Православных Церквей сегодня. Опровергаемая историей, отрицаемая канонами и учением отцов Церкви, она живет в веках и находит себе сторонников, готовых, по словам свт. Григория Богослова, «состязаться за священные престолы… возглашать мир и хвалиться кровью»[22]. За тысячу лет эта идея приобрела себе новых сторонников и снова поставила Церковь на грань раскола.

Враждебные действия Константинопольского Патриарха несут на себе печать вероучительного заблуждения. Объяснения вмешательству на каноническую территорию сторонники Фанара находят не в политической или экономической целесообразности, а в утверждении идеи первенства и его богословском обосновании. Цель таких претензий Патр. Варфоломей предельно ясно обозначил в одном из последних заявлений: «первенство Вселенского Патриархата и нашей (греческой) нации в Православии»[23]. Потому и современные претензии Константинополя – не просто манипуляции в области церковной политики или борьба за сферы влияния с Москвой. Это попытка пересмотреть православную экклезиологию.

Священник Михаил Уланов,
кандидат богословия

12 декабря 2018 г.

Публикация портала «Православие.ру»

Источник: https://mospat.ru/ru/news/46834/